

© 1990 г.

КРИВОНОСОВ А. Т.

К ИНТЕГРАЦИИ ЯЗЫКОЗНАНИЯ И ЛОГИКИ

(На материале причинно-следственных конструкций
русского языка)

1. Логика изучает формы мысли (понятия, суждения, умозаключения), выраженные в языке любой науки. Следовательно, эти формы мысли доступны представителям любой науки не иначе, как только в формах языка. Например, в физике логик изучает язык физики (т. е. язык естественный и язык символов) с точки зрения того, как выражены те или иные формы мысли в языке физики, на котором сформулированы физические законы. Логик изучает в языкознании также не теорию языка, не формы глаголов, не парадигмы, а язык данной науки — язык языкознания (т. е. язык естественный и язык символов) с точки зрения того, как в языке языкознания выражаются формы мысли. По отношению к физике логика стоит «после» языка физики, являясь, таким образом, логическим метаязыком языка физики. По отношению к языкознанию логика стоит также «после» языка языкознания, являясь, таким образом, логическим метаязыком языка языкознания. Отсюда ясно, что логика для физики то же, что и для языкознания. В этом смысле, и только в этом смысле, по справедливому замечанию А. А. Потебни, «языкознание, и в частности грамматика, ничуть не ближе к логике, чем какая-либо из прочих наук» [1]¹.

Но А. А. Потебня ошибался, отрицая наличие корреляций и зависимостей между структурой мысли и грамматическим строем языка. Если логические категории входят в язык языкознания как его неизбежный логический ингредиент, а язык языкознания и объект языкознания — это одно и то же, то, естественно, логика также есть неизбежный логический ингредиент, или логический метаязык, естественного языка как объекта языкознания. Значит, логика как наука о формах и связях мыслей *ab ovo* заложена в соответствующих формах естественного языка как объекта языкознания, чего мы не наблюдаем в объекте физики. С этой точки зрения логика, следовательно, ближе к языкознанию, чем к любой другой науке (в том числе и физике), на один шаг. Логика представлена в физике один раз — в ее языке (в учебниках, монографиях, статьях), а в языкознании логика представлена два раза — в его языке (в учебниках, монографиях, статьях) и в его объекте (в романах, повестях, рассказах, в живой речи), причем наиболее интересной областью исследования для логики является именно объект языкознания — живой естественный язык, текст как объект двух смежных наук. «Психологию», таким обра-

¹ Эту же мысль, но в иной форме и в иной связи выразил В. И. Ленин: «всякая наука есть прикладная логика» [2, с. 183].

зом, как верно заметил М. Н. Правдин, пытаюсь освободиться от логики и языкознания, «выплеснули вместе с водой и ребенка» [3].

Первоначально проблема логики возникла как попытка ответить на два вопроса: во-первых, каким требованиям должно удовлетворять человеческое мышление, отражающее реальную действительность; чтобы его результаты соответствовали этой реальной действительности; во-вторых, в чем состоит источник принудительной силы рассуждений. Таким образом, процесс познания объективного мира с самого начала по необходимости включал в себя процесс рассуждения, облекаемого в форму естественного языка [4]. Поэтому неудивительно, что логика обязана своим происхождением естественному, в данном случае древнегреческому, языку Аристотеля. Затем логика, проделав многовековой путь развития, усилиями многих выдающихся логиков и математиков превратилась в разветвленную самостоятельную науку, обслуживающую математику и математический анализ. И только в самые последние десятилетия логика вновь обратилась к языку, к своей первооснове. «Как логика, так и лингвистика стоят сейчас перед качественно новым этапом, когда им ... необходимо достигнуть такого целостного (разрядка наша. — К. А.) представления о языке, которое создало бы основу для решения актуальных практических (и теоретических, добавим мы. — К. А.) задач» [5].

II. Логико-грамматическому анализу в настоящей статье подвергнуты причинно-следственные конструкции в русском языке в следующей последовательности: за исходный пункт анализа берется логическая форма умозаключения, в частности соответствующий модус умозаключения; для каждой такой логической формы находятся все причинно-следственные синтаксические конструкции, отвечающие правилам построения данной логической формы.

Чтобы не эксплицировать всю сложную и громоздкую процедуру логического анализа причинно-следственных конструкций, ограничимся здесь лишь кратким анализом трех причинно-следственных конструкций из устной разговорной речи. Этих трех типов сверхфразовых единств достаточно, чтобы результаты логического анализа перенести на все причинно-следственные конструкции русского языка, выражающие простые категорические умозаключения²:

а) [Юбиляр, получая авторучку с золотым пером, говорит]: «У тебя, видно, много таких авторучек. *Поэтому* ты часто публикуешь статьи в журналах».

б) [Из разговора в вагоне метро у выхода на очередной остановке]: «Куда же вы спешите? Ведь здесь все выходят!».

в) [Из разговора с местным жителем на проселочной дороге]: «Там *нельзя* проехать. Там *нет* дороги».

² В статье приняты следующие обозначения: (А) — общеутвердительное суждение, (Е) — общеотрицательное суждение (все единичные суждения в логическом анализе приравниваются к общим суждениям). Соответствующие суждения силлогизма — большая посылка, меньшая посылка, заключение — обозначаются цифрами в скобках: (1), (2), (3). Последовательность этих цифр обозначает последовательность суждений в умозаключении, выраженном соответствующей конструкцией русского языка. Опущенное суждение в энтимеме (энтимема — сокращенное умозаключение с одним или двумя опущенными суждениями) заключается в квадратные скобки. Знак → обозначает перевод предложения с естественного языка на язык силлогистики. Все формальные логические маркеры умозаключений (союзы, предлоги и др.), а также отрицания, влияющие на качество суждения, даются курсивом. Вводятся символы (латинские буквы) для частей речи, которые понадобятся ниже при описании некоторых синтаксических структур, выражающих умозаключения: А — прилагательное, Ч — числительное, Д — наречие, Н — существительное, В — глагол.

Все три сверхфразовых единства выражают сокращенные логические умозаключения (энтимемы) с опущенной большей посылкой³. В первом сверхфразовом единстве оба предложения принадлежат к суждениям типа (А), причем первое предложение репрезентирует (2) меньшую посылку, второе предложение — (3) заключение силлогизма. Если меньшая посылка и заключение представлены суждениями типа (А), то и большая посылка, восстановленная по правилам первой фигуры первого модуса, должна быть выражена суждением типа (А). Восстановив большую посылку, строим умозаключение: (1) [Все люди, у которых много авторучек с золотым пером, часто публикуют статьи в журналах (А)]. (2) У него много авторучек с золотым пером (А). (3) Он часто публикует статьи в журналах (А). Если все три суждения силлогизма представлены общепризнательными суждениями (А, А, А), то умозаключение построено по правилам модуса *Barbara*. Первое сверхфразовое единство, таким образом, есть энтимема (сокращенное умозаклучение) модуса *Barbara* с опущенной большей посылкой с последовательностью суждений в энтимеме (2)—(3).

Во втором сверхфразовом единстве первое предложение, репрезентирующее (3) заключение, принадлежит к суждениям типа (Е): риторический вопрос без отрицания выражает общепризнательное суждение («Вы не должны лезть»). Второе предложение, репрезентирующее (2) меньшую посылку, принадлежит к суждениям типа (А). Если меньшая посылка представлена суждением типа (А), а заключение — суждением типа (Е), то большая посылка должна быть суждением типа (Е). Восстановив отсутствующую большую посылку по правилам первой фигуры второго модуса, строим умозаклучение: (1) [На остановке, где все выходят, не следует спешить (Е)]. (2) Здесь остановка, где все выходят (А). (3) Здесь не следует спешить (Е). Если все три суждения силлогизма представлены суждениями (Е, А, Е), то умозаклучение построено по правилам модуса *Celarent*. Второе сверхфразовое единство, таким образом, есть энтимема модуса *Celarent* с опущенной большей посылкой с последовательностью суждений в энтимеме (3)—(2).

В третьем сверхфразовом единстве первое предложение, репрезентирующее (3) заключение, и второе предложение, репрезентирующее (2) меньшую посылку, принадлежат к суждениям типа (Е). Если меньшая посылка и заключение представлены суждениями типа (Е), то большая посылка должна быть суждением типа (А). Восстановив отсутствующую большую посылку по правилам второй фигуры второго модуса, строим умозаклучение: (1) [Проехать можно только там, где есть дорога (А)]. (2) Там нет дороги (Е). (3) Там нельзя проехать (Е). Если силлогизм представлен суждениями (А, Е, Е), то умозаклучение построено по правилам модуса *Camestres*. Третье сверхфразовое единство выражает, таким образом, энтимему модуса *Camestres* с опущенной большей посылкой и с последовательностью суждений в энтимеме (3)—(2).

В основу настоящей работы легли результаты анализа предложений русского языка, подавляющее большинство которых имеет формальные

³ Как известно из логики, существует равная возможность восстановить все энтимемы, превратив их как в простые категорические умозаклучения, так и в условно-категорические умозаклучения с квантором *если* (*modus ponens*, *modus tollens*). В данной статье принимается первый путь восстановления энтимем, так как он учитывает структуру суждений и, следовательно, структуру предложений, тогда как при анализе на уровне условно-категорических умозаклучений учитываются лишь нерасчлененные суждения.

средства выражения причинно-следственных отношений. Чаще всего умозаключения, выраженные средствами русского языка, строятся по правилам простого категорического силлогизма, в частности модуса *Barbara*.

1) В причинно-следственной семантической зависимости могут находиться два предложения, графически оформленные как самостоятельные: (3) Писатель пробормотал что-то неясное. (2) Он был застигнут врасплох (К. Паустовский) → (1) [Кто застигнут врасплох, тот может бормотать нечто неясное]. (2) Он был застигнут врасплох. (3) Он пробормотал нечто неясное.

2) а) Но чаще всего умозаключения модуса *Barbara* выражены сложноподчиненными предложениями с собственно причинными союзами *так как*, *поскольку*, *ибо*, *потому что*, *оттого что*, *в связи с тем что*, *на основании того что*, *благодаря* и др. Придаточное предложение, вводимое причинным союзом, всегда репрезентирует меньшую посылку, а главное предложение — заключение силлогизма, независимое от их взаимного расположения. (3) Он говорил язычно, (2) *так как* был туговат на ухо (М. Шолохов). → (1) [Все туговатые на ухо говорят язычно]. (2) Он был туговат на ухо. (3) Он говорил язычно. Союз *потому что* выступает в трех вариантах: *потому что*; *потому, что*; *потому..., что*. Особенность сложноподчиненных предложений с союзом *потому что* — выраженные этим предложением эпитемы имеют только последовательность суждений (3) — (2): (3) Машины засветили фары, (2) *потому что* в лесу уже стемнело (Г. Николаева).

Как известно, причина и следствие — философские категории, обозначающие одну из форм всеобщей связи и взаимодействия явлений. Однако в формах естественного языка реальная причина часто выдается за следствие, а реальное следствие выдается за причину: говорящий (пишущий) «перепоручивает» их, ставя «телегу впереди лошади». Например, мы знаем: когда пуля попадает в плечо, то рука опускается. Отсюда причинно-следственная зависимость: (3) Рука опустилась, (2) *потому что* в плечо попала пуля. А вот как эта ситуация описана М. Лермонтовым: (3) *Верно*, пуля попала в плечо, (2) *потому что* он вдруг опустил руку. М. Лермонтов следствие преобразовал в причину, а причину — в следствие: во втором предложении реальное следствие выступает в роли причины, по причине языковой, семантической, т. е. в сущности — логической. Вот это умозаключение: (1) [Опускает руку тот, кому пуля попадает в плечо]. (2) Он опустил руку. (3) Следовательно, пуля попала ему в плечо. В сложноподчиненных предложениях, в которых описываемая ими реальная причина и реальное следствие меняются ролями благодаря союзу *потому что*, в главном предложении почти всегда употребляются модальные слова (*верно*, *вероятно*, *по-видимому*, *кажется*, *стало быть* и др.) как средство выражения неуверенности говорящего в реальности причины. Ср. также: (3) *Вероятно*, я упал в обморок, (2) *потому что* не закрывал (А. Пушкин).

Первая часть причинного союза *потому что* может переходить в главное предложение, стоять в середине главного предложения и даже в его начале, усиливая причинную зависимость действия, выраженного в данном предложении, от действия, выраженного в придаточном: (3) Я это *потому* пишу, (2) *Что* уж давно я не грешу (А. Пушкин); (3) *Потому-то* и убыток вам, (2) *что* мертвые (Н. Гоголь). «Степень логической зависимости» главного от придаточного в сложноподчиненных предложениях с раздельным союзом *потому..., что* (*оттого..., что*) значительно сильнее, чем в предложениях с нераздельным союзом, так как «языковые»

и «логические» причина и следствие совпадают с реальной причиной и следствием. Поэтому в таких предложениях невозможно употребление модальных слов: предложение (3) *Вероятно*, я упал в обморок, (2) *потому что* не закричал (А. Пушкин) нельзя представить как *(3) *Потому, вероятно*, я упал в обморок, (2) *что* не закричал. Союз *оттого что* имеет также несколько вариантов употребления: *оттого что*; *оттого, что*; *оттого...*, *что*. (3) Цветы, (2) *оттого что* их только что полили, (3) издавали влажный раздражающий запах (А. Чехов). Ср. также: (3) Первая их ссора произошла *оттого*, (2) *что* Левин поехал на новый хутор и пробыл полчаса более... (Л. Толстой); (3) Акулина *оттого* в реку бросилась, (2) *что* ее любовник обманул (И. Тургенев).

б) Умозаключения модуса *Barbara* выражены сложноподчиненными предложениями, построенными по модели «так (такой, до того, до такой степени) + A (D, Z, N, V), что (как будто, точно)». Семантическое значение данной синтаксической конструкции: в главном предложении, всегда предшествующем придаточному, указывается такая степень качества (количества, меры, состояния, действия, предмета), которая достаточна для совершения действия, выраженного придаточным предложением с *что*. В связи с этим главное предложение со словосочетанием «так + A» всегда выражает меньшую посылку силлогизма, а придаточное с союзом *что* — заключение силлогизма. Модель «так + D, что»: (2) Он шел *так близко* от воды, (3) *что* казалось, сейчас волна его схватит и унесет (М. Лермонтов). Модель «до того + A, что»: (2) Вода в ручье была *до того холодна*, (3) *что* даже жеребцы пили ее маленькими редкими глотками (М. Шолохов). В предложениях модели «так (до того) + V, что» сказуемые выражены такими глаголами, семантическое значение которых допускает определенную степень этого состояния или действия: (2) У всех женщин руки *до того мерзли*, (3) *что* трескалась кожа (М. Горький). Возможна перестановка усилительной частицы *так* и глагола-сказуемого: (2) ...*крикнула* Даша *так*, (3) *что* было слышно через четыре комнаты (А. Толстой). Модель «такой (-ая, -ое) + N, что» имеет множество вариантов, в зависимости от лексического наполнения этой модели и от порядка следования ее элементов: (2) Щукарь ощутил *такой голод*, (3) *что* беззубый рот его сразу наполнился слюной (М. Шолохов). Та же модель с обратной последовательностью ее членов «N + такой, что»: (2) Авдотью *страх* разобрал *такой*, (3) *что* колени у ней задрожали (И. Тургенев). Модель «чем + A₁ в сравнительной степени..., тем + A₂ в сравнительной степени»: (2) *Чем скорее* догорал огонь, (3) *тем виднее* становилась лунная ночь (А. Чехов). Иногда на одну и ту же синтаксическую форму, в зависимости от того, как мы «домысливаем» энтимему, накладываются две логические структуры одного и того же умозаключения. Происходит интерференция двух логических структур одной и той же энтимемы: (2)—(3) и (3)—(2): Ай, Моська! Знать она *сильна, что* лает на Слона (И. Крылов). Если допустить, что в главном предложении опущен интенсификатор *так (так сильна)*, то главное предложение — это меньшая посылка силлогизма; в этом случае последовательность суждений в энтимеме (2)—(3): (1) [Все сильные лают на Слона]. (2) Моська сильна. (3) Следовательно, Моська лает на Слона. Если допустить, что в придаточном предложении опущена часть причинного союза *потому (потому что)*, то в этом случае главное предложение выражает заключение силлогизма и перед нами энтимема с последовательностью суждений (3)—(2): (1) [Все лающие на Слона сильны]. (2) Моська лает на Слона. (3) Следовательно, Моська сильна.

в) Умозаключения модуса Barbara, выраженные сложноподчиненными предложениями с придаточным уступительным или условным (80 вариантов) и построенные по модели «если (коли, ежели, раз, поскольку)..., то (значит, стало быть, тогда, в том случае, в таком случае, при условии, на случай)», всегда выражают логические энтимемы с последовательностью суждений (2)—(3). Однако этими предложениями выражаются не только простые категорические силлогизмы, к которым относится и рассматриваемый здесь модус Barbara, но и условно-категорические силлогизмы (modus ponens, modus tollens) (см. примеч. 3). Различительным признаком двух типов умозаключений с «если... то» служит временная форма глагола-сказуемого. Все временные формы сказуемого, отсылающие действие, выраженное глаголом, в «прошлое» или «настоящее», т. е. когда это действие мыслится как реальное (совершившееся или совершающееся), свидетельствуют о том, что умозаключение построено как простой категорический силлогизм. Все временные формы сказуемого, отсылающие действие, выраженное глаголом, в «будущее», т. е. когда это действие мыслится как гипотетическое, свидетельствуют о том, что данные умозаключения построены как условно-категорические силлогизмы (они здесь не рассматриваются). (2) *Если* есть город, в котором ты родился, (3) *то* почему не вернуться? (П. Проскурин). Вместо «если» возможно множество других вариантов: (2) *Ежели* льдина была слишком большая, (3) он придерживал ее багром (М. Алексеев); (2) *Коли* ты в самом деле желаешь мне добра, (3) *так* отпусти меня в Оренбург» (А. Пушкин); Я подумал: (2) *раз* я плаваю, (3) я это использую (А. Фадеев); (2) *Коль* скоро завертелось одно колесо, (3) *то* приведет в движение все части сложного механизма (Г. Коновалов).

3) Умозаключения выражаются сложносочиненными предложениями с следственными союзами *потому, потому, следовательно, вследствие* (чего, сего, этого), *почему, стало быть, так что, таким образом, оттого, от этого, тем самым, значит* и др. Так как простое предложение, вводимое указанными сочинительными союзами, всегда выступает в логической функции заключения силлогизма, то энтимема представлена только последовательностью суждений (2)—(3). Союз *потому*: (2) Была среда, день постный, (3) *потому* бабушке подали постный борщ и леща с кашей (А. Чехов). Союз *следовательно*: (2) Зависть — сестра соревнования, (3) *следовательно*, из хорошего рода (А. Пушкин). Союз *вследствие* чего: (2) Волчица была слабого здоровья, (3) *вследствие* чего вздрагивала от малейшего шума (А. Чехов). Союз *так что*: (2) Снег выпал в два аршина, (3) *так что* лошадь тонула в нем (Д. Мамин-Сибиряк). Союз *почему*: (2) Его не было дома, (3) *почему* я и оставил записку (А. Пушкин). Умозаключение может быть выражено сложносочиненными предложениями с союзом *и* или бессоюзными сложносочиненными предложениями. Последние объединяются различными знаками препинания, служащими отражением семантических причинно-следственных отношений между предложениями. Союз *и*: (2) Зима была снежная, (3) *и* все ждали сильного половодья (Д. Мамин-Сибиряк). Простые предложения объединены, например, двоеточием: (3) Я отдернул руку: (2) из самой середины цветка с яростным жужжанием вылетела пчела (Л. Толстой).

4) а) Простое предложение состоит из двух частей: из предикативного ядра, выступающего в функции заключения (подлежащее и сказуемое), и из инфинитивной группы (вводится союзом *чтобы*), выступающей в функции меньшей посылки: (3) Советская власть напрягла все усилия, (2) *чтобы* овладеть анархией (А. Толстой) → (1) [Кто хочет овладеть анар-

хией, тот напрягает усилия]. (2) Советская власть хочет овладеть анархией. (3) Она напрягает усилия.

б) Обособленный оборот в виде деепричастия несовершенного вида в функции меньшей посылки: (2) *Стыдясь* своей лжи, (3) он ерзал в седле (А. Фадеев). Деепричастный оборот совершенного вида в функции заключения: (2) Тяжелая весть облетела полки, (3) *нагнав* на всех уныние (Д. Фурманов); в функции меньшей посылки: (3) Пантелей Прокофьевич ушел, (2) *почувствовав* себя лишним (М. Шолохов).

в) Простое предложение с обособленным приложением, представленным субстантивным или адъективным оборотом. Субстантивный оборот, выражающий логическое основание: (2) *Человек партии*, (3) я признаю только суд моей партии (М. Горький). Адъективный оборот, со значением логического основания: (2) *Довольный* произведенным впечатлением, (3) Жиров пустился в подробности (А. Толстой). Умозаключения могут также выражаться обособленными определениями, выраженными страдательными причастиями (*потрясенная* известием; *утомленная* двухдневным кутежом).

г) Простые предложения с предлогами: предложно-субстантивное сочетание всегда выступает в функции свернутой меньшей посылки. Среди всех предлогов, образующих семантически неразложимое предложно-субстантивное сочетание со значением логической причины, предлог *от* наиболее распространен. Он сочетается с существительными абстрактной семантики со значением чувства, физического, морального, волевого состояния человека, черт характера лиц, действий и явлений природы (*от боли, от волнения, от злобы, от холода, от удара, от тифа, от бега, от жары*). (2) *От жажды* (3) распухали и лопались губы (А. Толстой) → (1) [*У всех, кто страдает жаждой, лопаются губы*]. (2) Они страдали жаждой. (3) У них лопались губы. Ср. также: Сильвио встал, (3) побледнел (2) *от злости...* (А. Пушкин). Следующие предлоги в своем семантическом значении в сочетании с существительными указывают на логическую причину: *из-за, судя по, ввиду, вследствие, благодаря, в силу, в связи, в результате, по причине, от причины, по случаю, по поводу* и др. Предлог *из-за*: (3)... плакала она (2) *из-за* зависти... (А. Чехов) → (1) [*Некоторые завидующие плачут*]. (2) Она завидовала. (3) Она плакала. Логические умозаключения могут быть выражены также простыми предложениями с предлогами, не имеющими в своем семантическом значении указания на причину: *при, за, без, по, ради, под, с, со, в, на, через, из* и др. Основанием причинно-следственных отношений в таком простом предложении служит семантическая связь двух членов предложения, семантическое значение одного из которых служит причиной, а другого — следствием. (2) *За* поздним вечером (3) придется тебе у меня переночевать (Л. Леонов) → (1) [*Поздний гость остается ночевать*]. (2) Он сидел до позднего вечера. (3) Он остается ночевать. Ср. также: (3) Ошибся я (2) *по простоте* моей (М. Горький).

д) Для выражения умозаключения не требуется с необходимостью ни сложного предложения, ни связи простых предложений, ни простого предложения с предлогом. Логическое умозаключение можно выразить и в простом предложении при помощи второстепенных членов предложения с соответствующим семантическим значением. В роли логической причины выступают прилагательные в синтаксической функции определения: (2) *Больные* ноги бедной старухи (3) с трудом поспевали за Семёном (М. Горький) → (1) [*Больные ноги с трудом ходят*]. (2) У нее *больные* ноги. (3) Она с трудом ходит.

Умозаключения по модусу Celarent и Camestres выражены в основном теми же формальными языковыми средствами, что и умозаключения по модусу Barbara, с одной лишь, но существеннейшей разницей — в них наличествуют явные или скрытые отрицания. В энтимемах модуса Celarent отрицание содержится в заключении: (3) ...она, видно, *не* очень разборчива, (2) *ибо* с тех пор отвечала на его поклон самой милой улыбкой (М. Лермонтов) → (1) [Кто на поклон отвечает всем улыбкой, тот *не* очень разборчив]. (2) Она на поклон отвечала улыбкой. (3) Она *не* очень разборчива. В энтимемах модуса Camestres отрицания содержатся и в меньшей посылке, и в заключении: (3) Она, *очевидно*, не спала, (2) потому что *не* слышно было ее дыхания (Л. Толстой) → (1) [Спит тот, чье дыхание слышно]. (2) Ее дыхания *не* слышно. (3) Она не спала. Однако умозаключения по модусу Celarent и Camestres могут быть выражены также специфическими структурными построениями русского языка, которые не характерны для модуса Barbara. Например, инфинитивная группа с усилительной конструкцией «слишком + А (D), чтобы», первая часть которой служит логическим основанием (меньшей посылкой), а инфинитивная группа с «чтобы» — заключением силлогизма, выражает умозаключение по модусу Celarent. Эта синтаксическая конструкция всегда имплицитно отрицает в инфинитивной группе (в заключении): (2) Но мы слишком дорого заплатили за вторую мировую войну, (3) *чтобы* позволить безнаказанно развязать третью (Н. Грибачев) → (1) [Все, кто дорого заплатил за войну, тот *не* позволит развязать новую]. (2) Мы дорого заплатили за войну. (3) Мы *не* позволим развязать новую войну. Если же в предикативном ядре, репрезентирующем меньшую посылку, стоит отрицание, то аналогичное простое предложение с инфинитивной группой выражает умозаключение по модусу Camestres. Наличие отрицания в предикативном ядре автоматически влияет на качество суждения, выраженного инфинитивной группой, поэтому инфинитивная группа получает статус общеотрицательного суждения: (2) ... Мы еще *не* так богаты, (3) *чтобы* пить дурное вино (А. Герцен) → (1) [Дурное вино пьют богатые]. (2) Мы не богаты. (3) Мы *не* пьем дурное вино.

Способность некоторых простых предложений с предлогами выражать умозаключения одновременно по правилам двух модусов — Barbara и Celarent — основана на том, что некоторые словосочетания, хотя и не имеют в своем составе отрицательных элементов, содержат в себе скрытое отрицание. Это такие словосочетания, как «объявлять собрание закрытым» = «не проводить далее собрание»; «болота пересохли» = «нет болот»; «пропала вся прелесть» = «нет прелести»; «забыл предложить» = «не предложил»; «отложил поездку» = «не поехал»; «освободили от воинской службы» = «не служил»; «довольно унижаться» = «не надо унижаться» и др. Некоторые предложения могут выражать умозаключения, построенные одновременно по правилам модусов Barbara и Camestres. Это такие сложноподчиненные предложения, в которых главное и придаточное предложения содержат члены предложения, выражающие одновременно и утверждение (поскольку нет явного отрицания), и скрытое отрицание: (3) Сейчас пикировщики бьют по пустому месту, (2) *так как* «катюши» уже давно переменили позиции (А. Первенцев). Модус Barbara: (1) [Покинутые «катюшами» позиции являются пустым местом для противника]. (2) «Катюши» покинули свои позиции. (3) Противник бил по пустому месту. Модус Camestres: 1) [Противник поражает «катюши» на известных для него позициях]. (2) «Катюш» *нет* на известных позициях. (3) Противник *не* поражает их. Наконец, на материале русского языка

обнаружены умозаклучения, которые построены одновременно по правилам модусов Celarent и Camestres: в придаточном предложении, репрезентирующем меньшую посылку, словосочетание «патроны были вынуты» означает «патронов не было». (3) Выстрела не произошло, (2) *потому что* кем-то для чего-то патроны из нагана были вынуты (А. Толстой). Модус Celarent: (1) [Наган с вынутыми патронами не стреляет]. (2) Патроны были вынуты. (3) Наган не выстрелил. Модус Camestres: (1) [Все наганы стреляют, в которых есть патроны]. (2) В этом нагане патронов не было. (3) Наган не выстрелил.

III. Рассмотренный материал позволяет сделать некоторые выводы. Анализ показал, что синтаксические конструкции русского языка, выражающие умозаклучения, оказались настолько разнообразными (по сравнению, например, с немецким, английским и французским языками), что объем статьи заставил нас ограничиться описанием лишь отдельных, наиболее частотных синтаксических конструкций русского языка. Однако выводы здесь даются с учетом всего исследованного корпуса синтаксических построений русского языка (1000 умозаклучений), отразивших модусы Barbara, Celarent Camestres и их сочетания.

1) Естественный язык (текст, написанный на естественном языке) насквозь пронизан логическими умозаклучениями⁴, без которых невозможно никакое движение мысли. Они находят свое выражение в самых разнообразных языковых формах⁵. В современной формальной логике выведено 19 правильных простых категорических силлогизмов, из которых три силлогизма (модусы Barbara, Celarent, Camestres) и их сочетания оказались приложимыми к русскому языку в рассматриваемом здесь корпусе синтаксических причинно-следственных конструкций. Однако в обследованном корпусе синтаксических построений русского языка умозаклучения всех модусов выражаются только в виде энтимем (с опущенной большей посылкой), выраженных 1) сочетаниями двух простых предложений, 2) сложноподчиненными, 3) сложносочиненными и 4) простыми предложениями самых различных лексико-синтаксических конструкций. Более того, русский язык располагает однозначными логическими маркерами, указывающими, независимо от семантического значения двух сочетающихся предложений (resp. членов предложения), во-первых, на принадлежность данных языковых построений к энтимемам, во-вторых, на принадлежность данных энтимем к определенным модусам (Barbara, Celarent или Camestres), в-третьих, на логическую функцию каждой части сложного предложения или каждого члена простого предложения (меньшая посылка или заключение).

а) В сложноподчиненном предложении придаточное, вводимое причинными союзами *так как*, *потому что*, *оттого что* и др., всегда репрезентирует меньшую посылку силлогизма, независимо от модуса (главное предложение, следовательно, репрезентирует заключение силлогизма). В сложноподчиненном предложении с придаточным определительным «так + А..., что» главное предложение с «так + А» всегда выступает в функции меньшей посылки, а придаточное предложение с «что» —

⁴ Ср.: «...умозаклучение сопровождает человека и в обыденных обстоятельствах и притом, буквально на каждом шагу» (разрядка наша. — К. А.) [6].

⁵ Это далеко не случайно. В. И. Ленин, конспектируя книгу Л. Фейербаха «Лекции о сущности религии», выписал следующее место из этой книги: «Именно то, что человек называет целесообразностью природы и как таковую постигает, есть в действительности не что иное, как единство мира, гармония причин и следствий, вообще та в з а и м н а я с в я з ь (разрядка наша. — К. А.), в которой все в природе существует и действует» [2, с. 51].

в функции заключения силлогизма. В сложносочиненном предложении второе предложение, вводимое следственными союзами *следовательно, поэтому, значит, стало быть* и др., всегда репрезентирует заключение силлогизма (следовательно, второе из двух предложений репрезентирует меньшую посылку силлогизма).

б) Простые предложения с причастными и деепричастными оборотами, инфинитивными группами, с предложно-субстантивными сочетаниями (*от жары, из-за болезни*), будучи развернутыми в субъектно-предикатные суждения (пропозиции), могут выражать логические силлогизмы: это происходит тогда, когда указанные средства поддержаны соответствующим концептуальным (семантическим) значением двух семантически сочетающихся предложений или членов предложения.

в) Простые предложения (без причастных и деепричастных оборотов, инфинитивных групп и предлогов), выражая логические умозаклучения на основе семантического значения отдельных членов предложения, выступают как факультативный структурный тип предложения для выражения логического умозаклучения.

В естественном (русском) языке, таким образом, обнаружены три типа средств выражения логических умозаклучений: а) формальные (однозначные) средства, которые независимо от семантического значения предложения всегда выражают логические умозаклучения (причинные и следственные союзы, усилительный союз «так + А + что»), б) полужформальные средства, взаимодействующие с семантическим значением предложений (предлоги, причастные и деепричастные обороты), в) концептуальные (семантические) средства: семантическое значение двух сочетающихся предложений (гезр. членов предложения)⁶. Таким образом, русский язык располагает многими сотнями лексико-грамматических способов (по количеству причинных, следственных и других союзов, предлогов, типов обособленных оборотов, инфинитивных групп и других формальных, полужформальных и семантических средств) для выражения логических умозаклучений. А наличие или отсутствие отрицательных формантов, кроме того, сигнализирует также о принадлежности умозаклучений к определенному структурному типу силлогизмов, т. е. к определенному модусу. Следовательно, в естественном (русском) языке в виде трех указанных типов языковых средств, а также в явных и скрытых отрицаниях мы видим систему формальных логических маркеров или интегрированных в языке алгоритмы распознавания логических силлогизмов соответствующих фигур и модусов.

⁶ О роли семантического значения двух сочетающихся членов предложения в конституировании логического умозаклучения можно судить, например, по следующим двум парам предложений, одно из которых (первое) не выражает умозаклучения, а аналогичное по синтаксической структуре второе предложение, но с частично измененным лексическим наполнением, выражает логическое умозаклучение: «Яков Лукич, одетый во все черное, стоял молча. — Яков Лукич, взволнованный известием, стоял молча»; «Он побегал, подпрыгивая. — Он побегал, испугавшись». Иногда же способность предложения выражать логическое умозаклучение в большей степени зависит, напротив, от синтаксической структуры предложения. Неособобленное определение, выраженное прилагательным, слабее выражает причинные отношения, чем обособленное определение, ср.: «Взволнованный инженер долго не мог начать речь». — «Взволнованный, инженер долго не мог начать речь». Еще более контрастное различие мы наблюдаем между предложениями с неособобленным и обособленным определением, выраженным существительным: «Учитель Громов хорошо разбирается в психологии детей» (нет указания на причину) — «Учитель, Громов хорошо разбирается в психологии детей» (есть указание на причину).

2) Отмеченные три типа языковых средств конституирования логических силлогизмов характеризуются степенью их четкости в выражении логических силлогизмов от наиболее сильной степени к наиболее слабой (можно говорить о шкале превращения семантического значения в логическую форму мысли). Например: 1) В сильную жару болота пересыхают. Стояла сильная жара. *Поэтому* все болота пересохла (логически полный и, следовательно, наиболее сильный вариант) = 2) *Оттого* болота пересохла, *что* стояла сильная жара = 3) *Так как* стояла сильная жара, *то* все болота пересохла = 4) Стояла сильная жара, *поэтому* все болота пересохла = 5) *Благодаря* сильной жаре все болота пересохла = 6) *От* сильной жары все болота пересохла = 7) Сильная жара высушила все болота⁷. Так как все эти синтаксические построения объединены общим свойством выражать один и тот же логический силлогизм, то все они семантически и, следовательно, логически синонимичны, хотя как таковые в синтаксисе и тем более в логике никогда не рассматривались.

3) Формальной логике известны только противоположные полюсы суждений по качеству: утвердительные и отрицательные. В естественном же языке между двумя этими противоположными полюсами находится целая шкала переходных семантических значений, приближающихся то к утверждению, то к отрицанию. Если семантическое значение данного предложения нельзя (можно) назвать ни (и) утвердительным, ни (и) отрицательным, то такое предложение, в силу отсутствия в логике суждений «неопределенного» качества, одновременно выражает и общеутвердительное, и общеотрицательное суждение. Вследствие этого такие умозаклучения строятся по правилам двух противоположных модусов. Умозаклучение, выраженное предложением (2) «Было так темно, (3) что Варя с трудом различала дорогу» (А. Фадеев), относится одновременно к двум модусам — *Barbara* и *Celarent* (т. е. «Варя различала дорогу» и «Варя не различала дорогу»). Ср. также: (3) Сосна, (2) как дерево смолистое, (3) с трудом поддается гниению (С. Т. Аксаков); (2) Он, как человек с очень добрым сердцем, (3) сердился редко... (Л. Толстой).

4) Исследование причинно-следственных конструкций русского языка вскрывает теснейшую связь между грамматикой и логикой. В данном случае мы имеем дело с некоторым интегрированным сплавом логического и семантико-грамматического, т. е. с «логическими формами мышления», порожденными процессом познания и в связи с этим общечеловеческими по своей природе, и с чисто структурно-семантическими, семантико-грамматическими формами мыслей, связанными с особенностями каждого конкретного (в нашем случае — русского) языка и, следовательно, национальными по своему характеру, которые П. В. Чесноков называет «семантическими формами мысли» [7, с. 3]. Это — две стороны «единого процесса организации мысли, протекающего в сфере языкового мышления» [8, с. 62], причем универсальные общечеловеческие «логические формы мышления» невозможны без национальных «семантических форм мышления», неразрывно связанных с лексико-грамматическими формами языка. Семантические и логические

⁷ Без союзов и предлогов ситуация может допускать двойное толкование отношений причины и следствия. Бессоюзное сложносочиненное предложение: «Ребята вскрикнули: странное эхо прокатилось по лесу». Сочетание двух самостоятельных предложений: «Мне стало совестно. Я не мог закончить начатой речи» (И. Тургенев)

формы мышления необходимо строго разграничивать как две ступени абстракции: семантические формы мышления как более низкую ступень абстракции (хотя эти формы сами по себе уже очень высокой абстракции) и логические формы мышления как более высокую степень абстракции. Их неразличение приводит, с одной стороны, к отождествлению языка и логики, т. е. к известному «логицизму» (все в языке — только логическое мышление), а с другой стороны, — к отрыву языка, семантических значений предложений от логических форм мышления, т. е. к известному «психологизму» (все в языке — только семантическое мышление). Эти две формы мышления необходимо рассматривать как одну сферу вербального (языкового) мышления, в которой диалектически взаимодействуют отдельное (семантическое) и общее (логическое). В. И. Ленин пишет: «...отдельное не существует иначе как в той связи, которая ведет к общему. Общее существует лишь в отдельном, через отдельное. Всякое отдельное есть (так или иначе) общее. Всякое общее есть (частичка или сторона или сущность) отдельного. ...Уже здесь есть элементы, зачатки понятия *необходимости*, объективной связи природы etc.». И далее: «Таким образом в *любом* предложении (как здесь было показано: в сложном и простом предложениях. — К. А.) можно (и должно), как в „ячейке“ („клеточке“), вскрыть зачатки *всех* элементов диалектики, показав таким образом, что всему познанию человека вообще свойственна диалектика» [2, с. 318 — 319]. Множество лексико-грамматических форм предложений как выражение семантических форм мышления (отдельное) в конечном счете сводится к одной какой-либо логической форме, т. е. к общему (либо к модусу Barbara, либо к модусу Celarent, либо к модусу Camestres, либо к их комбинациям). Хотя каждая из лексико-грамматических форм предложений (причинно-следственных конструкций, представленных сложными и простыми предложениями) из этого множества, подводимого под одну логическую форму, безразлична для теории познания в том смысле, что не она, а ее логическая форма принимает участие в познании, тем не менее все эти лексико-грамматические формы предложений необходимы, ибо каждая из них как *о т д е л ь н о е* есть в то же время и *о б щ е е* в едином процессе языкового, вербального мышления, отражающего объективную действительность.

5) Возникает вопрос: не служит ли такое обилие языковых форм в естественном языке для выражения всего лишь одной формы мысли (например, модуса Barbara) «архитектурным излишеством», почему многочисленные формы причинно-следственных конструкций как семантические формы мысли не исчезают в языке, если формой познания и отражения действительности служат только логические формы мысли? Ответ здесь может быть только один: в естественном языке не существует логических силлогизмов в «оголенном», чистом виде, без «примеси» различных семантических наслоений, которые служат различным прагматическим целям; следовательно, различные лексико-грамматические формы нагружены различными дополнительными семантическими, стилистическими, модальными, эмоциональными, экспрессивными, волюнтаривными, текстообразующими, риторическими значениями, от которых логика отвлекается как одна из самых абстрактных наук. Следовательно, различные лексико-грамматические формы — это разные семантические формы мысли, но разные на своем уровне, именно на уровне «семантических форм мысли», на уровне естественного языка и следовательно, содержащие в себе, при наличии *о б щ е й* для них «логической формы мысли», *р а з л и ч н ы е* коннотативные наслоения, так как каждая лексико-грамматическая форма несет в

себе нечто новое, отличное от всех остальных при одном и том же логическом содержании. Естественный язык не мог бы быть полноценным средством общения между людьми, если бы он не обладал этой богатейшей возможностью выражать любой оттенок мыслей и чувств. Вся система языка в целом, в том числе все специальные грамматические категории и другие специальные языковые средства, превосходно выражают любое логическое содержание мыслей и, следовательно, с избытком покрывают все мыслительные потребности человеческого общения (см. также [9]). Каждая конкретная причинно-следственная конструкция, репрезентирующая логическое умозаключение, богаче по своему содержанию, чем «сухое» умозаключение, рассматриваемое в данном случае как сущность, закон. Логика в виде системы умозаключений отвлекается от конкретных семантических форм мысли, выстраивая ряд более высоких абстракций; она существует, однако, не иначе как в единичных предложениях⁸.

6) Причинно-следственные конструкции в русском языке как семантические формы мысли, уже будучи сами по себе абстрактными категориями, были здесь обобщены на еще более высокой ступени абстракции — на уровне логики, в виде умозаключений как логические формы мысли. Проведенный здесь анализ — это переход от конкретного (менее абстрактного) к (более) абстрактному, т. е. процесс более высокого обобщения. Мышление, как пишет В. И. Ленин, «...восходя от конкретного к абстрактному, не отходит — если оно *правильное... от истины*, а подходит к ней. Абстракция материи, закона природы, абстракция стоимости и т. д., одним словом, все научные (правильные, серьезные, не вздорные) абстракции отражают природу глубже, вернее, *полнее*» [2, с. 152]. Ленинское понимание отдельного и общего, конкретного и абстрактного прекрасно подтверждено развитием наук. Понятие «движение», характеризующее способ существования материи, есть обобщение различных проявлений существования материи: в неорганической природе, в живой природе, в обществе. Все эти формы развития всего сущего и нашего мышления объединены общим логическим понятием — «движение». Поэтому в том, что «семантические формы мысли», заключенные в каждом конкретном предложении, будучи обобщением чего-то более конкретного, в свою очередь могут быть обобщены как еще более высокая ступень абстракции на уровне науки логики в виде «логических форм мышления», нет ничего удивительного: это проявление свойств нашего мышления не только по отношению ко всем материальным объектам, но также и по отношению к самому себе, осуществляющихся в формах естественного языка. Следовательно, необходимость изучать язык, сложные и простые предложения (в частности причинно-следственные конструкции) как «семантические формы мысли» с точки зрения логики и теории силлогистики (как более абстрагирующей деятельности человеческого мозга) есть неизбежный процесс познания всего сущего. В этом случае мы получаем более обобщенное и, следовательно, более научное представление об объекте — естественном языке. В. И. Ленин пишет: «... уже самое простое обобщение, первое и простейшее образование *понятий* (суждений, заключений, etc). означает познание человека все более и более глубокой *объективной* связи мира» [2, с. 161]. Таким образом, изучение естественного языка с точки

⁸ В. И. Ленин в своем конспекте «Науки логики» Гегеля отметил на полях следующее: «(Явление *богаче* закона)» [2, с. 137]. Конспектируя книгу Гегеля «Наука логики», В. И. Ленин пишет: «*Это NB: Богаче всего самое конкретное и самое субъективное*» [2, с. 212].

зрения формальной логики — это диалектико-материалистический подход к познанию объекта⁹.

7) Понимание сложных и простых предложений с причинно-следственными семантическими связями как семантических форм мышления, имеющих национальный характер, а того общего, что лежит в их основе, как логических форм мышления, имеющих интернациональный характер, позволяет перекинуть «мостик» к известной «гипотезе лингвистической относительности» Сепира—Уорфа. Без абстрактного, логического мышления, которое реализуется в логических формах, главным образом в виде умозаключений, нет процесса познания. Логические умозаключения как познающее мышление, являющееся интернациональным, — для процесса познания наиболее важная часть, интегрированная в языке. Познание мира в формах естественного языка возможно только в том случае, «...если мышление человека способно выйти за пределы содержания языковых единиц» (разрядка паша. — К. А.) [11, с. 41], т. е. за пределы семантических форм мышления. А так как логические формы мысли являются общими для всех народов, то умозаключения, добытые на материале причинно-следственных конструкций русского языка, должны быть общими для всех народов, хотя и выраженными совершенно по-разному, т. е. в различных семантических формах мысли, в зависимости от структурно-грамматических особенностей каждого национального языка. Значит, мир расчленяется не «в направлении, подсказанном нашим родным языком», т. е. не в направлении, подсказанном семантическими формами мысли, а в направлении, подсказанном логическими формами мысли, отраженными в разнообразных синонимичных синтаксических конструкциях в одном и том же языке, а также теми же логическими формами мысли, выраженными в других языках, но выраженными иначе, согласно формам каждого национального языка. Вот что пишет К. Маркс: «Так как процесс мышления сам вырастает из известных условий, сам является естественным процессом, то действительно постигающее мышление может быть лишь одним и тем же (разрядка паша. — К. А.). Отличаясь только по степени, в зависимости от зрелости развития, следовательно, также и от развития органа мышления» [12]. Заблуждение сторонников «гипотезы лингвистической относительности», оставшейся на протяжении многих десятилетий не более чем гипотезой, состоит в том, что взаимоотношение между языком и материальной действительностью они связывают непосредственно, как соотношение «мир» → «семантическая форма мысли» (т. е. лексико-грамматическая форма предложения), как будто эта семантическая форма мысли лишена всякой логической формы, в которой отражается реальная действительность, тогда как фактически, в полном согласии с материалистической теорией отражения, это соотношение должно иметь форму: «мир» → «семантическая форма мысли» → «логическая форма мысли». Для каждого отдельного языка не существует специфического национального «видения» мира, ибо «основным фактором, определяющим формирование языковых значений, является отражение объективной действительности в процессе познавательной деятельности человеческого мышления, имеющего логический (разрядка паша. — К. А.) характер» [11, с. 42—43]. Различное «видение

⁹ В этой связи невозможно умолчать о весьма странном для советского языковедения факте, что, например, книга, посвященная главной проблеме советского языковедения — «материалистическому подходу к явлениям языка» (см. [10]), до сих пор не удостоилась обстоятельного обсуждения на страницах ведущего советского теоретического журнала «Вопросы языковедения».

мира» через призму каждого национального языка предполагает одно из двух: или отсутствие единого общечеловеческого мышления (эта точка зрения восходит к «психологизму») ¹⁰, или существование различных формальных логик по количеству естественных языков. Как то, так и другое есть *absurdum in adjecto*.

8) «Логик», как известно, существует несколько: традиционная формальная логика, логика отношений, логика предикатов, модальная логика, символическая логика и др. Для целей исследования логического умозаключения и форм его выражения в естественном языке необходимо опираться лишь на одну логику — традиционную формальную логику как науку о формальном построении нашего мышления, вполне достаточную для целей лингвистического анализа «текста» с точки зрения логики. Во-первых, уже традиционная формальная логика рассматривает мысли, приемы рассуждений с формальной точки зрения, безотносительно к их конкретному содержанию, систематизирует объективные правила (знаки общности и переменные) и распространяет их на частные случаи. Эти правила позволяют в бесконечном множестве мыслей увидеть повторяющиеся формы. Во-вторых, традиционная формальная логика, в отличие от символической логики, содержательна, т. е. будучи наукой чисто формальной, она постоянно держит на прицеле некоторое общее содержание мыслей (предложений). Понятие «формальный» не означает «независимый от содержания» вообще, а лишь «независимый от единичного, частного содержания». В-третьих, традиционная формальная логика, будучи лишенной некоторых преимуществ, например, наиболее формализованной логики — символической логики как науки об исчислениях, именно в силу этого в наибольшей степени отвечает задачам анализа соотношений между умозаключениями и формами их выражения в естественном языке. Говорящий (пишущий) не строит в голове «алгебру высказываний», а пользуется в повседневной и научной практике простыми умозаключениями и их связями, что и подтвердил анализ естественного языка с точки зрения традиционной формальной логики.

В основе данной работы лежит исследование текста, написанного на естественном языке, на двух уровнях: на собственно языковом уровне и на уровне смысла, «языка смысла», т. е. на уровне аристотелевской формальной логики. Но эти уровни исследованы не изолированно, а в тесном взаимодействии как некое логико-грамматическое единство. Тем самым была сделана попытка экспериментальным путем показать некоторые стороны взаимоотношения языка и мышления.

Исследование русского языка методами традиционной формальной логики показало, что говорящий на естественном языке, постоянно выражает свои мысли в форме логических умозаключений (энтимем). В наше время, когда наблюдается все более глубокое проникновение в природу вещей и явлений, стремление исследовать «ничейную землю» на стыках наук (геохимия, геофизика, биофизика, биохимия, физическая химия; также в языкознании: математическая лингвистика, инженерная лингвистика, психолингвистика, социолингвистика), нынешнее состояние

¹⁰ Критикуя трехступенчатую теорию слова К. Балдингера и Л. Вайстербера за то, что они поставили между словом (его материальной оболочкой. — К. А.) и миром вещей «промежуточный мир идей» («реле»), т. е. мысль, мышление (это материалистическая точка зрения! — К. А.), например, М. Д. Степанова пишет, что К. Балдингер и Л. Вайстербер тем самым совершают «отрыв слов от реальной действительности» (см. [13]). Значит, теория соотношения слова и вещи (шире: языка и мира) — так надо понимать теорию М. Д. Степановой — состоит в том, что слово соотносится с миром непосредственно, минуя человеческое мышление, минуя его мозг.

разобщенности языкознания и логики нельзя назвать иначе, как научной слепотой и данью старому «психологизму», который уже более ста лет пожиная плоды своих не самых прогрессивных тенденций. Игнорировать взаимодействие формальной логики и естественного языка становится все труднее и именно в силу непосредственной связи языка и мышления¹¹. Если согласиться с А. В. Бондарко, что «языкознание становится одной из основных наук о мышлении» [15], то этой роли языкознание удостоилось в первую очередь и прежде всего благодаря тому направлению, которое А. В. Бондарко называет «универсально-понятийным», истинный смысл которого должен заключаться именно в интеграции языкознания и логики. Конкретнее — в исследовании семантических значений с точки зрения форм мысли. Но надо четко себе представлять те области языка и те области логики, где эта интеграция просто необходима, где без нее не может быть познан семантический аспект языка. А. В. Бондарко правильно пишет, что «без специальной разработки на современном уровне собственно языковых способов представления мыслительного содержания в значениях языковых единиц (разрядка наша. — К. А.) и их сочетаний в речи лингвистическая теория значения не может быть адекватной» [15]¹². И это, действительно, так, тем более, что вопрос об интеграции языкознания (т. е. значения языковых единиц) и логики (т. е. формы мысли в значениях тех же языковых единиц) уже давно решен самой природой в естественном языке как объекте языкознания и логики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. Т. I—II. М., 1958. С. 70.
2. *Ленин В. И.* Философские тетради // Полн. собр. соч. Т. 29.
3. *Правдин М. Н.* Логика и грамматика. М., 1973. С. 11—12.
4. *Азманов А. С.* Формы мысли и законы формальной логики (К вопросу о формальной логике) // Вопросы логики. М., 1955. С. 34—35.
5. *Петров В. В.* Язык и логическая теория // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVIII. М., 1986. С. 8.
6. *Свинцов В. И.* Логика. М., 1987. С. 190.
7. *Чесноков П. В.* Логические и семантические формы мышления как значения грамматических форм // ВЯ. 1984. № 5.
8. *Чесноков П. В.* Неогумбольдтианство // Философские основы зарубежных направлений в языкознании. М., 1977.
9. *Горский Д. П., Комлев П. Г.* К вопросу о соотношении логики и грамматики // ВФ. 1953. № 6.
10. *Серебrenников Б. А.* О материалистическом подходе к явлениям языка. М., 1983.
11. *Панфилов В. З.* Гносеологические аспекты философских проблем языкознания. М., 1982.
12. *Маркс К.* Письмо к Кугельману // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 32. С. 461.
13. *Степанова М. Д.* Методы синхронного анализа лексики. М., 1968. С. 64—65.
14. *Колшанский Г. В.* От предложения к тексту // Сущность, развитие и функции языка. М., 1987. С. 40.
15. *Бондарко А. В.* Семантика предела // ВЯ. 1986. № 1. С. 24.
16. *Петров В. В.* От философии языка к философии сознания // Философия, логика, язык. М., 1987. С. 6.

¹¹ Действительно, в организации текста, написанного на естественном языке, главенствующую роль играют законы логики. «Внутренняя... организация текста, его структура, сцепление его отдельных частей, надо полагать, формируется на основе разветвления определенной мысли и складывается на базе логических связей...» (разрядка наша. — К. А.) [14].

¹² «Построение... полной модели употребления языка (разрядка наша. — К. А.) является перспективной и неотложной задачей как для психологии, логики, лингвистики, философии языка, так и для теории искусственного интеллекта, информационной технологии» [16].